

Народное движение во Франции в мае — июне 1968 г. стало знаменательной вехой в истории этой страны и международного рабочего движения. Относительно оценки событий тех месяцев до сих пор ведется острая идейная борьба между коммунистическими, социал-реформистскими, лево-экстремистскими и буржуазными историками и публицистами. Эти события, представлявшие грандиозное столкновение французских трудящихся с капиталом, показательны во многих отношениях. Они еще раз опровергли измышления буржуазной пропаганды, будто рабочий класс промышленно развитых капиталистических стран «утратил» революционность. Вместе с тем они свидетельствовали об огромных возможностях расширения антимонополистического союза путем включения в него интеллигенции: служащих, инженерно-технических работников, студенчества и других ее групп.

В. И. Ленин писал: «Великое значение всяких кризисов состоит в том, что они скрытое делают явным, отбрасывают условное, поверхностное, мелкое, отмечают прочь политический сор, вскрывают истинные пружины действительно происходящей *классовой борьбы*»¹. Особенностью майского движения было резкое обострение классовых противоречий во Франции при отсутствии таких «классических» побудительных причин для него, как война или экономический кризис. Внезапно возникший социально-политический кризис обострил противоречия не только между трудом и капиталом, но и между средними слоями и монополистической буржуазией.

В центре майских событий вопреки утверждениям многих буржуазных истори-

ков и публицистов, склонных преувеличивать роль студенчества, стоял рабочий класс. Работники же умственного труда в своей массе выражали тогда солидарность с промышленным пролетариатом.

Что же послужило причиной столь широкого движения? Ответ на этот вопрос не однозначен. Во-первых, рабочий класс стал острее сознавать, что научно-техническая революция приносит основные выгоды не ему, а крупному капиталу. Удел рабочих — переносить связанные с нею отрицательные социальные последствия: усиливающуюся интенсификацию труда и безработицу. Во-вторых, к началу майских событий из 15 млн. французских рабочих и служащих 4 млн. получали менее 600 франков в месяц, что было ниже признанного профсоюзами минимума заработной платы; половина же трудящихся зарабатывала менее 700 франков в месяц². 45% семей трудящихся имели месячный доход менее 1 350 франков на четырех человек, тогда как необходимый минимум для такой семьи, по расчетам Союза семейных ассоциаций, составлял 1 450 франков³. К началу 1968 г. проблема занятости в стране обострилась: насчитывалось полмиллиона безработных — на 40% больше, чем годом ранее⁴. При отсутствии в послевоенный период значительной безработицы это было особенно тревожным явлением. Серьезное возмущение трудящихся вызвали августовские декреты 1967 г., возвещавшие о наступлении предпринимателей и правительства на систему социального страхования.

События начались с выступлений париж-

² F. Mitterrand. *Ma part de vérité*. P. 1969, p. 91.

³ J. Soustelle. *Vingt-huits ans de gaullisme*. P. 1968, p. 388.

⁴ J. Kahn. *La participation*. P. 1969, p. 110.

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 324—325.

ских студентов. Правительство не усматривало в них особой угрозы, и поэтому полиция не спешила с разрушением первых баррикад в Латинском квартале, ожидая, что общественное мнение повернет от поддержки студенческого анархистского экстремизма в сторону его осуждения. Расчет был несложным — напугать обывателя призраком гражданской войны. И в самом деле, когда парижские буржуа увидели срубленные деревья и подожженные автомобили, они перестали симпатизировать студентам.

Только рабочий класс смело выступил в их поддержку. 11 мая в столице состоялась 60-тысячная демонстрация студентов и рабочих. Требования на транспарантах гласили: выдворить полицию из университетов, возобновить в высших учебных заведениях занятия, освободить арестованных. В тот же день по инициативе Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) состоялось совещание представителей нескольких профсоюзных центров — Французской демократической конфедерации труда (ФДКТ), Национальной федерации работников образования, Национального союза студентов Франции и автономного Союза работников высшей школы. Было решено провести 13 мая всеобщую 24-часовую забастовку и демонстрацию в знак протеста против нападения полиции на студентов⁵. В этот день многомиллионная всеобщая политическая забастовка и массовые демонстрации состоялись во всех главных городах страны. Только в Париже в уличном шествии участвовало 800 тыс. человек⁶. К выступлению присоединился даже правый профсоюзный центр «Форс увриер». Основной лозунг — «Десяти лет довольно!»⁷ — свидетельствовал о несогласии с политической правительством. Своим участием рабочий класс придавал событиям невиданный размах и острую социально-политическую направленность.

Отличительной особенностью классовых боев и на этот раз была авангардная роль пролетариата национализированных отраслей промышленности. 14 мая рабочие государственного авиастроительного завода «Сюд-Авиасьон» в Бургенэ близ Нанта объявили бессрочную забастовку и заняли предприятие. На следующий день их примеру последовали рабочие завода «Рено» в Клеоне. 16 мая забастовка распространилась на все предприятия «Рено» — во Флене, в Булонь-Бийанкуре и Ле Мане. 17 мая

в движении участвовало уже 300 тыс., 18 мая — 2 млн., 20 мая — 7 млн., 21 мая — свыше 8 млн., 22 мая — 9 млн., а к 25 мая — 10 млн. человек⁸.

Показателен не только размах забастовок, но и их продолжительность. Майско-июньская всеобщая стачка в таких ведущих отраслях промышленности, как машиностроительная, автомобильная, металлообрабатывающая, электротехническая, судостроительная, авиационная, химическая и полиграфическая, продолжалась от трех до четырех недель⁹. Французские трудящиеся выдвигали три основные группы требований: повышение заработной платы, пенсий и пособий; гарантия профсоюзных прав; установление контроля над производством (последние требования типичны для отраслей с большой численностью инженерно-технических кадров)¹⁰.

В заявлении Национального конфедерального комитета ВКТ 17 мая были определены главные претензии рабочего класса: отмена декретов, ухудшавших режим социального страхования, увеличение заработной платы, сокращение рабочей недели, снижение пенсионного возраста, принятие эффективных мер по ликвидации безработицы, законодательное закрепление и обеспечение профсоюзных свобод на предприятиях¹¹.

Таким образом, требования носили экономический и политический характер. Ряд забастовок на предприятиях, где отсутствовали профсоюзные организации или существовали маловлиятельные «независимые» профсоюзы, был нацелен на создание первичных профсоюзных организаций ВКТ, ФДКТ и Всеобщей конфедерации кадров. Инженерно-технические работники нередко выдвигали и дополнительные требования¹². В их числе было и требование «демократизации общественных отношений». Журнал «La Sociologie du travail», издаваемый Национальным центром научных исследований Франции, писал о том, что 1 200 рабочих одного из машиностроительных заводов выдвинули программу создания заводского органа, который обсуждал бы предложения рабочих об управлении заводом, и комиссий, объединяющих делегатов от персонала

⁸ «Le Peuple», 15.V — 30.VI.1968.

⁹ «Revue française de science politique», vol. XX, № 1, février 1970, p. 113.

¹⁰ P. Dubois e. a. Grèves revendicatives ou grèves politiques? P. 1971, p. 61.

¹¹ «Le Peuple», 15.V — 30.VI.1968.

¹² «La Sociologie du travail», № 3, juillet — septembre 1970, pp. 255 — 256.

⁵ «Le Peuple», 15.V — 30.VI.1968.

⁶ Ibid.

⁷ «L'Humanité», 15.V.1968.

и всех заинтересованных трудящихся, по вопросам профессионального обучения и информации, по изучению отношений между различными социальными группами на предприятии, по структуре предприятия, по его внешним сношениям, паритетных комиссий по найму, служебному продвижению, перемещениям и увольнениям. Общее собрание сотрудников одного из технических министерств выдвинуло требование «официального признания органа представительства персонала в каждом министерстве или крупном ведомстве для того, чтобы дать ход выдвинутым требованиям и чтобы иметь возможность постоянно вести диалог и критиковать действия администрации»¹³.

Майские забастовки отличались боевым, наступательным духом, выразившимся в занятии предприятий рабочими. Подобная форма классовой борьбы не нова и была впервые применена французскими трудящимися в широких масштабах еще в период Народного фронта, в июне 1936 года. Она не только ограждала рабочих от штрейкбрехеров, но и способствовала воспитанию классового сознания трудящихся. На занятых рабочими предприятиях проходили митинги и диспуты, проводились учебные семинары и спортивные состязания, устраивались концерты. Благодаря этому здесь создавался своеобразный климат социальной солидарности. «Мы все жили в коллективе,— свидетельствует один из ответственных инженерно-технических работников фирмы «Томпсон», входившей в ФДКТ,— и это смешение профессиональных категорий чрезвычайно обогащало нас»¹⁴.

Бастовали не только промышленные рабочие, но и работники государственных учреждений, почты, телеграфа, банков, радио и телевидения, актеры театров и кино. Массовое участие в движении служащих и многих отрядов интеллигенции было для Франции новым явлением. 20 мая впервые за всю историю своего существования прекратил операции Французский банк. Для буржуазии это было одним из самых грозных предзнаменований надвигающейся социальной бури. Ярко выраженный политический характер носила забастовка работников радио и телевидения. Журналисты требовали «свободы информации», подразумеваемая под нею право на объективную информацию, на независимость главных средств массовой коммуникации от правительственных указаний

занятий¹⁵. Национальная федерация работников образования объявила бессрочную забастовку.

В занятии трудящимися предприятий, в обеспечении забастовщиками бесперебойной работы ряда общественных служб французский социолог Л. Малле усматривает своеобразный выход за рамки буржуазной законности и «зачаток второй власти». «В условиях отсутствия беспорядков, уличных боев и конфликтов с полицией, бесильной заставить рабочих привести в действие заводы,— пишет он,— организация рабочего контроля на крупных предприятиях и общественных службах (как это было в учреждениях кредита, сберегательных кассах и национализированных банках)... представляла для правительства большую опасность, чем восстание»¹⁶. Занятие предприятий вызывало к жизни такую форму организации, как стачечные комитеты, которые назначались профсоюзами или создавались самими забастовщиками и действовали независимо от профсоюзов¹⁷. Над многими предприятиями развевались красные флаги. Шли дискуссии об управлении промышленностью и обществом в целом. 20 мая рабочие самого крупного предприятия фирмы «Рено» в Булонь-Бийанкуре призвали к свержению существующего режима¹⁸. Повсеместно стачечная борьба проходила организованно. «В этой борьбе,— отмечал член Политбюро ЦК ФКП Э. Фажон,— одинаково поражают как ее невиданный размах, так и зрелость трудящихся»¹⁹. Бастующие внимательно следили за тем, чтобы главные жизненные потребности населения удовлетворялись. Они обеспечивали бесперебойную работу системы питания и здравоохранения.

25 мая премьер-министр Ж. Помпиду созвал совещание правительства с представителями профсоюзов и предпринимателей. Такие совещания прежде имели место во Франции всего дважды — в 1936 и в 1946 годах, во время наивысшей политической активности рабочего класса. Правительство пошло на частичные уступки. Соглашение, заключенное 27 мая и получившее название «Гренельского протокола», предусматривало повышение с 1 июня минимальной почасовой

¹⁵ Ibid., p. 68.

¹⁶ L. Mallet. Le pouvoir ouvrier. P. 1971, pp. 99—100, 102.

¹⁷ P. Dubois e. a. Op. cit., p. 44.

¹⁸ «Reflections on the Revolution in France, 1968». L. 1970, pp. 88, 90.

¹⁹ «L'Humanité», 20.V.1968.

¹³ Ibid., pp. 251, 252.

¹⁴ P. Dubois e. a. Op. cit., p. 44

совой заработной платы с 2,22 франка до 3 франков и ликвидацию зональных различий в заработной плате. Реальная заработная плата трудящихся должна была быть повышена на 7%, а с 1 октября — на 10 процентов. Было достигнуто соглашение о сокращении продолжительности рабочей недели на 1—2 часа вплоть до 1970 г., гарантии прав профсоюзных организаций на предприятиях, повышении пенсий по старости и уменьшении платы за лечение. Национальный совет французских предпринимателей и профсоюзы договорились о встрече до 1 октября для обсуждения проблемы безработицы²⁰. Вместе с тем правительство не соглашалось удовлетворить главные требования забастовщиков — общее повышение заработной платы, немедленное сокращение рабочей недели, отмена августовских декретов 1967 г., касавшихся социального страхования.

Рабочие отклонили частичные уступки. К такому решению пришли общие собрания на предприятиях «Рено» в Булонь-Бийанкуре, Клеоне и Ле Мане, рабочие заводы «Ситроен», «Берлие», «Родиагета», «Сюд-Авиасьон» и «СНЕКМА»²¹. Учитывая мнение рабочего класса, ВКТ отказалась подписать «Гренельский протокол» и предложила правительству вести переговоры по отдельным отраслям промышленности. Рабочие продолжали борьбу за свои права. «Требования рабочих», — писала газета «L'Humanité», — идут дальше чисто экономических²². События развернулись с невероятной быстротой. Компартия Франции и ВКТ, не имея возможности использовать самые мощные средства информации — радио и телевидение, почти ежедневно публиковали обращения к трудящимся (на некоторых из них указывался час выхода в свет).

Некоторые элементы «кризиса верхов», а также явное нежелание трудящихся «жить по-старому» имелись налицо. Однако возникает вопрос: была ли в майской Франции 1968 г. революционная ситуация? Определенные условия ее были, но некоторых — как субъективного, так и объективного порядка — явно не хватало. Майские события явились неожиданностью не только для правящих кругов, но отчасти и для левых политических сил. Инициатива нередко исходила от самих масс. К тому же из-за маневров социалистов, радикалов и части

профсоюзных центров в левом лагере не было единства. Отсутствовала общая программа, которую можно было бы противопоставить государственно-монополистическому капиталу. Это помешало действиям, которые, возможно, могли бы позволить лучше использовать сложившуюся обстановку.

К концу первой декады июня в большинстве секторов экономики были достигнуты соглашения между профсоюзами и предпринимателями, и работа была возобновлена. Ввиду неуступчивости администрации автомобильных компаний продолжали забастовку рабочие «Рено» (до 17 июня), «Берлие» и «Ситроен» (до 24 июня), металлисты «Юзинор-Дюнкерк» (до 25 июня). Что касается сотрудников радио и телевидения, то их забастовка длилась 8 недель и закончилась 27 июня²³. Во время забастовок в мае — июне 1968 г. было потеряно 150 млн. рабочих дней²⁴. В итоге многодневных упорных классовых боев трудящиеся добились таких уступок от предпринимателей и правительства, на которые те не соглашались на протяжении более 20 лет и которые шли дальше, чем предусматривал «Гренельский протокол». По отдельным секторам экономики и некоторым предприятиям низкие ставки заработной платы были увеличены в среднем на 30, а средние и высокие — на 10 процентов. Ряд категорий трудящихся добился сокращения рабочей недели. Выплаты на лечение по социальному страхованию были увеличены до 75% для работающих и членов их семей и до 80% для инвалидов и пенсионеров²⁵. Однако далеко не все требования бастующих были удовлетворены. Остался нерешенным вопрос о «подвижной шкале» заработной платы, о снижении пенсионного возраста и другие. В последующие годы забастовочное движение снова поставило их на повестку дня.

Каковы же основные итоги майско-июньского движения? Во-первых, рабочий класс Франции своими действиями доказал, что именно он является главной антикапиталистической силой, под руководством которой и другие слои общества могут добиться осуществления своих социально-экономических требований. Майские события показали также, что профсоюзы при условии единства действий могут стать серьез-

²³ G. LeFranc. Le mouvement syndical. P. 1969, p. 247.

²⁴ «Bulletin mensuel de statistiques sociales». Supplement C-15, novembre 1971, p. 109.

²⁵ «Le Peuple», 15.V — 30.VI.1968.

²⁰ «L'Année politique 1968». P. 1969, pp. 166—167.

²¹ Ibid., p. 43.

²² «L'Humanité», 28.V.1968.

ным политическим фактором в момент кризиса власти монополий. Во-вторых, как отмечал пленум ЦК ФКП в декабре 1968 г., «в дни борьбы в мае — июне можно было констатировать, что социалистические идеи овладели новыми слоями трудящихся и интеллигенции, несмотря на то, что одни и другие понимают социализм по-разному»²⁶. Хотя цели забастовок носили в основном экономический характер, движение отличалось вместе с тем стремлением к глубоким политическим переменам. По существу, в те дни был поставлен вопрос о замене власти монополий. Майские события продемонстрировали, однако, что, хотя правящий режим в «классической форме» и изжил себя, французская буржуазия оказалась достаточно маневренной. Пойдя на значительные уступки трудящимся, она была готова применить и насилие. Она даже стремилась, используя экстремистские выходки части студенчества, толкнуть трудящихся на путь

²⁶ «L'Humanité», 7.XII.1968.

авантюризма, спровоцировать их на вооруженный конфликт и затем разгромить с помощью армий.

Многие историки и публицисты утверждают, что ничего похожего на «красный май» не происходило во Франции с 1936 года. Эти события, сетовала буржуазная газета «Paris-Jour», «пробили брешь в нашем традиционном обществе»²⁷. Даже когда буржуазия пришла в себя от первого испуга, правая газета «France-Soir» писала: «Но если это общество, ныне успокоенное, забудет тот гнев и те надежды, ту наивность и то величие, которое несло с собой движение мая 1968 г., если это общество с наслаждением, без угрызений совести снова уляжется на уютном ложе социальной несправедливости, интеллектуального гетто и правительственного высокомерия, его сон может оказаться недолгим»²⁸.

В. Ф. Коломийцев

²⁷ «Paris-Jour», 21.V.1968.

²⁸ «France-Soir», 1.VI.1968.